

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1939 — 1941 гг.*

*Начальник Генерального штаба,
первый заместитель министра обороны СССР
Маршал Советского Союза М. В. Захаров*

1. Крепить границу!

Знойное лето 1939 г. шло к концу. Зловещие события развертывались со скоростью снежной лавины. Над миром нависли свинцовые тучи мирового пожара. Попытки Советского Союза всемерно задержать расширение фашистской агрессии не нашли поддержки у правящих кругов США, Англии и Франции, которые с надеждой взирали на Гитлера как на главную ударную силу в борьбе с СССР и мировым революционным движением. Не успел еще потухнуть очаг вооруженной борьбы, зажженный летом 1939 г. японской военщиной на границе Монгольской Народной Республики, как над Европой разлилась гроза, возвестившая о начале второй мировой войны. Фашистская Германия, почувствовав «свободу рук», при попустительстве со стороны правительств стран Запада развязала борьбу за мировое господство. Первым объектом для нападения гитлеровцы избрали тогда Польшу. Правительство буржуазной Польши оказалось неспособным организовать отпор немецко-фашистским захватчикам. Западные державы, хотя они и дали Польше определенные гарантии, с оказанием ей практической военной помощи не спешили. Они не теряли надежды направить гитлеровскую агрессию далее на восток — против СССР, даже за счет Польши.

Со стороны западных стран это было предательство союзного государства, о защите которого так много «пеклись» буржуазные дипломаты. Англо-французские войска довольно спокойно наблюдали, как гитлеровские вооруженные силы сеяли смерть и разрушения на польской земле. Имея над немецко-фашистскими войсками заметное превосходство в живой силе и абсолютное — в боевой технике, армии Франции и Англии легко могли бы опрокинуть их группировку на французской границе и глубоко проникнуть в пределы Германии. Но этого не случилось. Сколь же лживо звучали слова французского генерала Думенка летом 1939 г. на одном из заседаний военных миссий СССР, Англии и Франции! Он тогда утверждал, что «если главные силы фашистских войск окажутся направленными на восточный фронт (имеется в виду: против Польши.— М. З.), то немцы вынуж-

* В данной статье автором использованы материалы из подготавливаемой к печати книги «Генеральный штаб в предвоенные годы».

дены будут оставить не менее 40 дивизий против Франции, и в этом случае генерал Гамелен» (командующий французской армией.— М. З.), перейдя в наступление против них всей массой войск, «заставит фашистов вернуть свои силы обратно с восточного фронта». В противном случае гитлеровская армия прикрытия будет разбита. Не менее циничны были заверения британского генерала Э. Айронсайда, данные польскому генеральному штабу. «Англия предоставила Польше гарантии,— подчеркивал он,— и она сдержит свое слово, что бы ни случилось. Больше не будет «коварного Альбиона».

Жалкая «сидячая война» («странная война», как ее прозвали в буржуазной печати и как это укоренилось ныне, пожалуй, слишком мягко звучит), эта бутафория, была проявлением неслыханного коварства, наглого и вызывающего надувательства в международном масштабе, направленного против Польши, а затем и других малых государств Восточной Европы и Скандинавии. За ним крылись далеко идущие антисоветские расчеты. Создавшееся в центре Европы положение, естественно, вызывало законное беспокойство у Советского правительства, которое вынуждено было предпринять ряд серьезных ответных мер. В первый же день второй мировой войны Советский Союз принимает «Закон о всеобщей воинской обязанности». Он привел в соответствие систему прохождения службы в Красной Армии с имевшимися налицо глубокими социально-экономическими и морально-политическими преобразованиями в нашем обществе, достигнутыми в итоге всемирно-исторических побед социализма в СССР. Закрепив кадровый принцип строительства Вооруженных Сил, этот закон расширял возможности роста их численности, создавал благоприятные условия для резкого повышения качества подготовки личного состава всех категорий военнослужащих, а также контингентов военнообязанных лиц. Наконец, этот закон позволял в короткий срок значительно поднять обороноспособность Советского государства перед лицом возросшей угрозы фашистской агрессии.

В резко изменившейся обстановке нашему Генеральному штабу предстояло по-новому и под другим углом зрения рассматривать и решать проблемы обороны государства. Так, в конце лета 1939 г. прибыла заявка от руководства Дальневосточного фронта о дополнительном усилении войск Дальнего Востока на 270 тыс. человек рядового и младшего командного состава, прошедших первый год обучения. Дело уперлось в общегосударственную проблему, подлежащую особому рассмотрению. Когда заявку стали изучать в организационно-мобилизационном отделе, выяснилось, что ее удовлетворение приведет, увы, к ослаблению боевой готовности войск, расположенных на нашей западной границе. Сделан был новый, более обоснованный расчет и положен нарком обороны. Для Дальнего Востока выделялось 70 тыс. человек обученного пополнения. Остальную часть заявки, чтобы не оставлять дальневосточные районы без нужных войск, предлагалось обеспечить очередным призывом новобранцев. Мотивировка Генштаба была признана правильной и принята к исполнению. Жизнь подтвердила прозорливость генштабистов. Боеспособные войска в западных областях и республиках СССР оказались вскоре весьма необходимыми для разрешения задач освободительного характера в связи с защитой населения Западной Украины и Западной Белоруссии от угрозы фашистской оккупации. Действительно, вскоре, детально оценив складывавшуюся международную обстановку, правительство СССР в начале сентября 1939 г. в целях предосторожности решило привести в боевую готовность войска западных и ряда внутренних военных округов. Директивой наркома обороны от 6 сентября 1939 г. Военным советам Ленинградского, Белорусского, Киевского, Московского, Калининского, Орловского и Харьковского округов приказывалось поднять на Большие

учебные сборы все войсковые части и учреждения этих округов. Одновременно поднимались и запасные части. Первым днем сборов назначалось 7 сентября. Извещение о подъеме войск за подписью Председателя Совета Народных Комиссаров СССР было доведено телеграммой также до сведения председателей СНК союзных и автономных республик, председателей облисполкомов (последних — по особому списку). В телеграмме говорилось, что на учебные сборы привлекаются приписной состав, автотранспорт, лошади и обоз. Вызов производился строго по повесткам, без опубликования приказа. Местным органам предписывалось оказывать всемерное содействие военным учреждениям в проведении данных мероприятий.

Несколько дивизий, поднятых на сбор, не имели полного материального обеспечения, в частности обмундирования. Оно должно было поступить, как предусматривалось, от промышленности в первые же десять дней. Но так как перевод промышленности на военное положение тогда не предусматривался, этим дивизиям пришлось выдать обмундирование из неприкосновенных запасов других дивизий, которые в походе не участвовали. Обязан ли был Генштаб потребовать от соответствующих наркоматов и ведомств в то время полного обеспечения армии материальными средствами? В создавшейся обстановке подобное решение было бы нецелесообразным, поскольку оно вызвало бы в народном хозяйстве преждевременное большое напряжение и, естественно, в первую очередь отразилось бы на благосостоянии народа. Нарком обороны поддержал позицию Генштаба, и дело было решено с учетом интересов гражданского населения.

Что касается разворота событий на границе с Польшей, то он был ускорен катастрофическим положением польской армии, несмотря на ее героическое сопротивление агрессору, и предательством польского правительства. Советское правительство вынуждено было поспешить с принятием решения об освободительном походе на запад. Для этой цели привлекались два фронта: Белорусский и Украинский. Первый возглавлял командарм 2-го ранга М. П. Ковалев. В состав фронта входили 3-я, 11-я, 10-я и 4-я армии, конно-механизированная группа и 23-й отдельный стрелковый корпус. Украинский фронт возглавлял командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко. В состав фронта входили два отдельных стрелковых корпуса, 5-я, 6-я и 12-я армии, в которых имелись, в частности, три кавалерийских корпуса, один танковый корпус и семь отдельных танковых бригад. Было дано указание ни в коем случае не применять оружия против польской армии, если она не станет вести бои. Запрещалось обстреливать из артиллерии и бомбить с воздуха города и местечки. Строго указывалось также не нарушать границ соседних государств — Латвии, Литвы и Румынии. 17 сентября в 5 час. 40 мин. советские войска, не дожидаясь полного сосредоточения, передовыми подвижными соединениями (танковыми и кавалерийскими) начали освободительный поход, который продолжался 12 дней. За это время оба фронта продвинулись на 250—350 километров. Во время освободительного похода Красная Армия впервые столкнулась с гитлеровской армией под Львовом. Когда одна из немецких группировок попыталась овладеть львовско-дрогобычским районом Западной Украины, наши броневой и кавалерийский полки, находясь в авангарде своей дивизии, как раз входили во Львов. Не задерживаясь в городе, они проследовали дальше, как вдруг на выходе из города две дозорные бронемшины подверглись артиллерийскому обстрелу. Авангард немедленно развернулся в боевой порядок и открыл ответный артиллерийско-пулеметный огонь. Экипажи обеих дозорных машин, подожженных гитлеровцами, героически держались до конца, пока не взорвались их бензобаки. Подошло наше подкрепление. 137-й немецкий полк, не выдержав атаки, поспешно отошел с занимаемых позиций. Нами было захвачено два

немецких самолета, три зенитные и две противотанковые пушки. На поле боя остались убитые и раненые немецкие солдаты и офицеры. Такой оборот дела оказался не по вкусу фашистам, и они отвели свои войска от Львова.

В конце освободительного похода передовые части наших войск вышли на линию рек Писса, Нарев, Вепш и Сан. Предпринятая Советским Союзом инициатива оказалась неожиданной для Германии, ограничила ее свободу решений, значительно сузила будущий возможный плацдарм нападения на СССР и позволила взять под нашу защиту около 13 млн. мирного населения. Выдвижение советской границы на запад могло укрепить безопасность СССР и воздвигнуть временный барьер распространению гитлеровской агрессии далее на восток. Делу укрепления нашей обороноспособности в значительной степени способствовало также заключение пактов о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой в конце сентября и начале октября 1939 года.

Стратегические задачи укрепления западных рубежей Советского государства находились постоянно в поле зрения ЦК ВКП(б) и Советского правительства. Заблаговременная подготовка возможных театров военных действий является важным слагаемым в успешном решении задач стратегической обороны любых государственных границ. В 20—30-е годы многие европейские буржуазные страны лихорадочно укрепляли свои границы путем строительства мощных оборонительных полос — «линии Мажино», «линии Зигфрида», «линии Маннергейма» и т. д. Советские военные и государственные деятели придерживались несколько иных взглядов. Наиболее приемлемым у нас считалось иметь оборонительные полосы, в которых сочетались бы долговременные огневые сооружения с системой полевой обороны. Последняя должна была создаваться, как и первые, заблаговременно, а ее усовершенствование предполагалось продолжить силами войск приграничных военных округов.

К началу 1938 г. на западе, вдоль старой государственной границы, мы имели построенными и хорошо оборудованными ряд укрепленных районов: в Ленинградском военном округе — Карельский, Кингисеппский и Псковский УРы; в Белорусском военном округе — Полоцкий, Минский и Мозырский УРы; в Киевском военном округе — Коростенский, Новоград-Волынский, Летический, Могилев-Ямпольский, Киевский, Рыбницкий и Тираспольский укрепрайоны. Во всех этих 13 УРах имелись 3 196 оборонительных сооружений. Занимали их 25 пулеметных батальонов, общая численность которых доходила до 18 тыс. человек.

В 1938—1939 гг. на старой государственной границе было начато дополнительное строительство еще 8 укрепленных районов: Островского, Себежского, Слуцкого, Шепетовского, Изяславского, Старо-Константиновского, Остропольского и Каменец-Подольского. Псковский и Островский укрепрайоны объединились. Во всех только еще строившихся в 1938—1939 гг. укрепрайонах в конце 1939 г. было забетонировано 1 028 сооружений. В связи с изменением западной границы строительство этих укрепрайонов было законсервировано, гарнизоны в них не располагались.

В 1940 г., по окончании советско-финской кампании, а затем после вхождения прибалтийских республик в состав СССР, на новой западной границе была намечена широкая программа строительства 11 укрепрайонов, а в 1941 г. — дополнительно еще 9 укрепрайонов: Мурманского, Сортавальского, Кексгольмского, Выборгского, Ханко, Тельшайского, Ковельского, Верхне-Прутского, Нижне-Прутского. Кроме того, после освобождения Бессарабии и Северной Буковины были начаты подготовительные работы по созданию Дунайского, Одесского и Черноморского укрепленных районов.

Во всех УРах их огневые сооружения — доты ранее создавались как пулеметные. Однако в 1936—1937 гг. начали строительство бетонированных капониров для противотанковых 76-мм орудий. Правда, это усиление укрепрайонов было незначительным. Так, в Киевском военном округе, в Могилев-Ямпольском укрепрайоне на два пулеметных батальона имелось 12 взводов капонирной артиллерии. Новоград-Волынский укрепрайон имел 10 взводов капонирной артиллерии, Летичский укрепрайон — только 6 взводов этой артиллерии. Всего к 1 января 1938 г. во всех УРах было налицо 409 сооружений для капонирной артиллерии. Укрепленные районы вдоль новой государственной границы строились уже по другой системе. В каждом из них предусматривались две укрепленные полосы общей глубиной 15—20 км. Полосы обороны состояли из узлов, а последние — из опорных пунктов. Между узлами и опорными пунктами создавались полевые позиции и заграждения. Перед основной полосой оборудовалось предполье, в котором сооружались, как и в промежутках между полосами, дерево-земляные и укрепленные бетоно-бетонные сооружения. Важнейшие инженерные объекты в опорных пунктах соединялись между собой подземными галереями и крытыми ходами сообщения. Долговременные сооружения в УРе должны были составлять: артиллерийские — 25%, пулеметно-артиллерийские — 25%, пулеметные — 25%, прочие (пункты управления и обслуживания, склады боеприпасов) — тоже 25%. Во всех вновь строившихся укрепленных районах сооружались прежде всего опорные пункты и узлы сопротивления первой линии.

К началу Великой Отечественной войны строительство в УРах их первой полосы, не говоря уже о других, не успели закончить. А в Одесском и Ленинградском военных округах еще шли рекогносцировка и привязка сооружений на местности и были сформированы кадры управлений укрепленных районов по 13 человек в каждом. Развернутое в крупных масштабах строительство новых УРов требовало значительного времени. Внезапное нападение фашистской Германии на СССР сорвало эти планы существенного укрепления наших границ и инженерную подготовку возможного театра военных действий.

2. Техника, техника, техника...

Разработанный на 1940—1941 гг. мобилизационный план предъявлял повышенные требования к уровню технического оснащения Красной Армии в новой обстановке. План вооружения теперь должен был исходить из учета характера вооруженной борьбы, вытекавшего из опыта первого периода второй мировой войны, а также военных действий Красной Армии при защите государственных границ в 1938—1940 годах. Речь шла о массовом применении танков, авиации, автоматов, минометов и других средств подавления, а также средств обеспечения. Приходилось серьезно считаться и с теневыми моментами, имевшими место в процессе военного производства. Дело в том, что положение в отдельных отраслях нашей оборонной промышленности еще не отвечало всем запросам армии и нуждалось в улучшении по линии руководства, организации и контроля, а также в новых усилиях со стороны представителей науки и техники. Особую тревогу вызывало производство боеприпасов. Программа первого полугодия 1940 г. по артывыстрелам была недовыполнена.

В докладе народного комиссара обороны Центральному Комитету ВКП(б), СНК и Комитету обороны от 25 января 1941 г. говорилось: «Все мероприятия, проводимые нами в области развития артиллерии, авиации и танкостроения, могут оказаться совершенно не достигающими цели, если одновременно не будет поставлена на крепкие ноги промышленность боеприпасов». Узким местом оказалось обеспечение

танковой, авиационной и морской программ некоторыми видами артиллерийских систем и стрелкового автоматического вооружения. Рядом постановлений ЦК ВКП(б) и СНК в апреле—мае 1941 г. устанавливается расширенная программа по производству морских орудий, выпуску танков и авиации. Повышенный интерес к данным видам вооружения вытекал из предгрозовой всенно-стратегической обстановки, из необходимости резко поднять огневую мощь и ударную силу Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Поскольку возможности по созданию новых производственных мощностей и расширению старых для производства требуемых типов артиллерийских систем почти отсутствовали, а главное, не оставалось для этого времени, правительство вынуждено было принять решение по временному прекращению или сужению производства тех видов артиллерийского и стрелкового оружия, по которым обеспеченность Красной Армии была более или менее благополучной и где можно было на короткий срок обойтись имеющимися запасами. Согласно этим постановлениям, на заводе, производившем ранее полковые пушки и пушки для укрепленных районов, был начат выпуск морских орудий. Производство полковых орудий передали другому заводу (300 штук в год, ранее производилось 1 000 штук). Но ввиду увеличения программы тому же заводу по производству 57-мм противотанковых пушек Наркомат вооружения, не имея возможности осуществить две задачи одновременно, совсем снял полковые пушки с производства на своем заводе.

Подобное же положение возникло с 76-мм дивизионной пушкой. В силу необходимости увеличения производства танковых, противотанковых и капонирных орудий в мае 1941 г. временно прекратилось ее производство. В связи с переключением цехов двух заводов на производство авиационного вооружения, выполнение имевшейся ранее программы по выпуску пулеметов (ручных, станковых, танковых, крупнокалиберных) и автоматов постепенно тоже начало свертываться. Для восстановления производства пулеметов (ручных и станковых) строился новый цех на одном из заводов. Готовность его ожидалась к июлю 1941 года. Производство автоматов конструкции Шпагина намечалось развернуть на заводе, находившемся в самой начальной стадии строительства. В аналогичном состоянии оказалось производство крупнокалиберного пулемета ДШК. Что касается станковых пулеметов ДС и «Максим», то на восстановление их производства в ближайшее время совсем не имелось перспектив.

Анализ мероприятий, проводившихся в нашей стране в 1939—1941 гг., свидетельствует о том, что в предвоенный период ЦК ВКП(б) и Советское правительство принимали энергичные, порою чрезвычайные меры, чтобы удовлетворить потребности Вооруженных Сил в наиболее важных системах вооружения и не оказаться слабее противника. Эти мероприятия, если перевести их на военный язык, можно было бы назвать производственно-техническим маневром с целью временно сосредоточить основные усилия производства на решении главнейших задач, прибегнув на второстепенных участках к неизбежным временным ограничениям.

Утверждения отдельных авторов, что именно по вине военных руководителей и других ответственных лиц как раз в канун войны были сняты с производства пулеметы, противотанковые орудия, полковые пушки и т. д., чем была допущена грубейшая ошибка, сказавшаяся в начальный период Великой Отечественной войны,—нельзя признать убедительными и обоснованными. Слов нет, в огромном и сложном процессе усовершенствования систем вооружения далеко не все было идеальным, не протекало без ошибок. При тщательном и заблаговременном изучении положения дел в оборонной промышленности, возмож-

но, еще в тот период удалось бы своевременно найти дополнительные производственные мощности. Тогда отпала бы всякая необходимость прибегать к временному ослаблению производства некоторых образцов наземной артиллерии и стрелкового автоматического оружия. Но для подобного поиска, увы, неоставало ряда важных слагаемых, главным из которых было время. Не приняв же срочно мер по повышению огневой мощи авиации и бронетанковых войск в угрожающих условиях надвигавшейся войны, можно было бы действительно оказаться в трагическом положении.

Своевременные мероприятия ЦК ВКП(б) и Советского правительства, опиравшиеся на самоотверженный труд наших ученых, рабочих, техников и инженеров, позволили достигнуть крупных успехов в производстве решающих видов боевой техники и вооружения. К июню 1941 г. количество авиационных полков в строю возросло по сравнению с началом 1939 г. более чем на 80%¹. Красная Армия получила много танков, в том числе совершенно новых конструкций², более 23 тыс. орудий и 48 тыс. минометов³, в том числе несколько знаменитых реактивных установок М-8 и М-13 («катюши»). Система вооружения Красной Армии оказалась настолько совершенной и перспективной, что в ходе Великой Отечественной войны не потребовались значительная ее корректировка или коренные изменения, связанные с серьезной ломкой сложившегося процесса производства.

Строительство новых заводов, реконструкция существовавших, привлечение гражданских заводов к производству элементов артиллерийских выстрелов, переход к поквартальному планированию позволили повысить производство боеприпасов в 1941 г. более чем в три раза по сравнению с 1940 годом. Боеприпасы были основным показателем боевой целесообразности того или иного вида оружия. Касаясь значения боеприпасов, И. В. Сталин высказал тогда такую мысль: «...Все сводится к разрушению цели... Сила взрыва боеприпасов определяет мощь всех родов войск... и служит мерилем военно-экономической целесообразности затрат на ту или иную боевую технику. Неразумно строить дорогой бомбардировщик на большой радиус действия, если заряд авиационной бомбы будет недостаточно мощным»⁴. Производство боеприпасов было наиболее трудоемким и дорогим делом в системе оборонной промышленности, поглощавшим около 50% бюджетных ассигнований на все военное производство.

Если на протяжении всех предвоенных лет, связанных с выполнением Третьего пятилетнего плана, среднегодовой прирост валовой продукции в промышленности составлял 13%, то в оборонном производстве он достигал 39%. На такое колоссальное напряжение в области военной промышленности партия шла совершенно сознательно, дабы всемерно укрепить обороноспособность страны. Значительные усилия предпринимались ЦК ВКП(б) и Советским правительством по созданию и размещению военных заводов-дублеров на востоке страны (восточнее 50-го меридиана), где их раньше почти совсем не имелось. К июню 1941 г. восточнее Волги находилось около 12% всей промышленности вооружения и боеприпасов. По некоторым видам производства эта цифра достигала более 25%. Помимо того, шло ускоренное строительство оборонных заводов в районе Урала и Сибири⁵.

Состояние оборонной промышленности накануне Великой Отечественной войны характеризуется не только количеством и качеством

¹ «50 лет Вооруженных Сил СССР». М. 1968, стр. 238.

² ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 32, д. 45.

³ Архив МО, ф. 81, оп. 12079, д. 45, л. 11; оп. 12076, д. 2, л. 215, д. 46, л. 113.

⁴ См. «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 127.

⁵ Архив МО, ф. 81, оп. 12079, д. 48, лл. 160—163.

выпускавшейся в мирное время продукции, но и наличием значительных резервов увеличения ее выпуска, если это потребуется с началом войны. Такие резервы либо уже имелись, либо были созданы. Они позволили в течение первых двух месяцев войны поднять производительность почти в два раза только за счет перевода оборонных заводов на режим военного времени. Благодаря повседневной заботе партии и Советского правительства, самоотверженному творческому труду рабочих и инженерно-технического состава отечественная оборонная промышленность накануне войны насытила нашу Красную Армию и оснастила ее современным и мощным вооружением, превосходившим по ряду показателей, боевых и эксплуатационных качеств вооружение армий западноевропейских стран, в том числе Германии. Если взять уровень оснащения Красной Армии на 1.1.1937 г. за 100%, то к 22 июня 1941 г. количество винтовок в ней возросло в 2,5 раза, пулеметов — почти в 2 раза, минометов — в 35 раз, противотанковых орудий — почти в 4 раза, танковых пушек — в 2,5 раза, зенитных орудий — в 5 раз, орудий средних калибров — в 2 раза, а крупных калибров — в 3,5 раза⁶. Появились новые для нас виды оружия: автоматы, крупнокалиберные пулеметы, полковые минометы, полевая реактивная артиллерия и т. д.

Потребности Красной Армии в вооружении по плану обеспечения 1940 г. были почти полностью удовлетворены, особенно в полковой, дивизионной и корпусной артиллерии. Высокий процент обеспечения был достигнут в противотанковой, Резерва Главного Командования и зенитной артиллерии⁷. Вполне убедительно и авторитетно звучит заявление одного из самых видных и крупных руководителей оборонной промышленности того времени Б. Л. Ванникова, что «наиболее подготовленной к началу войны была промышленность вооружения, занятая производством артиллерийского и стрелкового оружия»⁸. Значительные успехи имелись в производстве бронетанковой техники. Если с 1931 по 1936 г. в общей массе выпущенных танков удельный вес средних и тяжелых составлял 24%, то в следующие предвоенные годы их доля возросла до 43%. Производство тяжелых боевых машин, по сути дела, было создано заново, и впервые они были подготовлены к серийному выпуску. Ранее их производство носило одиночный характер. Главным же достижением советского танкостроения явилось создание непревзойденных в мире по совершенству конструкции и боевым качествам средних танков Т-34 с противоснарядной броней и тяжелых танков «КВ».

Танк Т-34 явился результатом упорного труда талантливой группы конструкторов во главе с М. И. Кошкиным, «КВ» — конструкторской группы во главе с Ж. Я. Котиним. Немецкая техническая мысль не только не сумела создать ничего подобного советским танкам; ей оказалось не под силу воспроизвести хотя бы приближенную их копию. В танковом парке мы имели к 22 июня 1941 г. новых образцов 1861 боевую машину. Однако главную задачу мы решили: промышленность была уже готова к серийному выпуску танков новых систем. Перед личным составом танковых войск теперь стояла задача быстрого освоения новых марок боевых машин и отыскания наиболее выгодных организационных форм использования их в боевой обстановке.

Важным моментом, создавшим для фашистской армии техническую внезапность, явилось создание у нас реактивной артиллерии.

⁶ Там же, д. 42, л. 14; д. 45, л. 11; д. 194, л. 22; оп. 12094, д. 16, л. 18; д. 28, лл. 192, 193; оп. 12076, д. 2, лл. 215, 244.

⁷ Там же, оп. 12079, д. 42, лл. 31—36.

⁸ См. «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 130.

Превратна была судьба боевых ракет. История не раз выносила им смертный приговор. Многие военачальники не верили в их перспективность. «Искусство и таланты тех, кто совершенствует боевые ракеты, кажется, очень велики,— заявил однажды французский генерал XIX в. Пексана.— Но не потеряны ли эти старания и эти таланты и можно ли надеяться, что это упрямое оружие когда-либо найдет применение на суше или на море?» Прав был Пексана лишь в одном: боевые ракеты действительно «упрямое оружие». Попытки применять в ходе боевых действий ракеты предпринимались Англией, Германией, царской Россией, но они кончались неудачей. Русская военная мысль еще в начале XX в. довольно близко подошла к правильному разрешению ряда важных проблем в области ракетостроения. Однако практическая реализация выдвигаемых идей всякий раз наталкивалась тогда на рутину, бюрократические барьеры и техническую отсталость. Только после Великой Октябрьской социалистической революции по достоинству оценили великие мысли и гениальные предложения русских изобретателей и ученых К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, дали ход идеям молодых: Н. И. Тихомирова, В. А. Артемьева, С. П. Королева и других.

Усилия энтузиастов ракетного дела в 1934 г. были объединены в одном научном учреждении — РНИИ (Реактивный научно-исследовательский институт). В 1938—1939 гг. мне, в то время помощнику начальника Генштаба, пришлось детально знакомиться с характером работы данного института и лично иметь дело с сотрудниками его замечательного коллектива. Нелегким оказался путь к совершенству «рельсовой артиллерии», как иногда называли тогда реактивные установки. Усилиями Б. С. Петропавловского был сконструирован чисто реактивный снаряд осколочно-фугасного типа. Длительными до изнурения явились поиски методов придания ракете устойчивости при полете, кучности при поражении цели. Прибегали ко всевозможным ухищрениям, чтобы «усмирить» ракету, не дать ей «рыскать» в ходе полета. Однажды имел место довольно курьезный эпизод. Известный наш ученый и талантливый инженер Г. Э. Лангемак предложил создать ракетный снаряд с нарезами и выстрелить им из обычного орудия. Создали образец. Выехали на полигон. Зарядили, произвели выстрел. Здесь-то и начались злоключения. Снаряд, дошедший до дульного среза, заклинило, и он потащил за собой пушку. Местность была неровная. Орудие само стало разворачиваться в сторону членов комиссии, присутствовавших на стрельбах. Все бросились врассыпную. В конце концов орудие остановилось с торчащим наполовину снарядом в дульной части, как бы насмехаясь над изобретателем. Теперь все были озадачены: как поступить со снарядом и извлечь его из ствола орудия? Разгадка пришла неожиданно: охладившись, снаряд сам выпал оттуда.

Метод обеспечения устойчивости ракеты без «рысканья» был найден В. А. Артемьевым, который применил стабилизаторы, значительно выходящие за калибр снаряда. Не менее драматичными были усилия по созданию пусковых установок, без которых отработанные и испытанные реактивные снаряды 82-мм и 132-мм не могли сколько-нибудь эффективно использоваться. Какие только конструкции не предлагались: сначала появился станок из труб, затем станок-штырь, за ним станок-«флейта» (труба с прикрепленной к ней стальной полосой) и еще один станок, в шутку названный «моссельпромом». Наконец И. И. Гвай и А. С. Попов предложили более совершенную конструкцию, с Т-образным пазом. А. П. Павленко соединил две направляющие в одну спарку. А в заводских условиях направляющие превратились в «рельсы».

В ноябре 1938 г. в РНИИ были уже готовы две первые установки, заказанные Главным артиллерийским управлением. Я видел их и могу

засвидетельствовать их необычность. Достаточно сказать, что пакет однопланочных направляющих смонтировали поперек кузова. В декабре 1938 г. состоялись первые испытания. Дали залп 24 снарядами. Артиллеристы сделали много полезных замечаний. Их учли затем в 1939 году. Второй вариант испытали в присутствии наркома обороны. Залповое оружие произвело сильное впечатление на всех присутствовавших. Была поставлена задача создать установки для стрельбы осколочно-фугасными снарядами. В мае 1940 г. был готов третий вариант машины. Его испытали летом на полигоне. Боевая машина приобрела почти окончательные формы. Направляющие удлинени до 5 метров (первоначальная длина — 1,7 м) и расположили вдоль платформы автомобиля. Их число уменьшилось до 16. Официально установка получила название БМ-13 (боевая машина с калибром мины в 13,2 см).

Для войсковых испытаний было создано к ноябрю 1940 г. семь таких установок. На основе этих первых машин в последующем сформировали батарею капитана И. А. Флерова. 14 июля 1941 г. она дала свой первый боевой залп по врагу возле железнодорожной станции города Орша. Так вышла на поля сражений знаменитая «катюша». Труд создателей замечательного оружия был высоко оценен ЦК партии и Советским правительством. Еще 15 марта 1941 г. большой группе научных сотрудников Реактивного научно-исследовательского института присудили Государственные премии за это выдающееся изобретение.

Ни одно из государств, впоследствии воевавших накануне и в ходе второй мировой войны не избежало каких-то промахов или ошибок при подготовке своих армий. Имели место просчеты и у нас. Но они не носили рокового или катастрофического характера. Заблаговременная и тщательная подготовка с учетом постоянно меняющейся международной обстановки и достижений научно-технической мысли явилась прочной военно-материальной основой победы Советского Союза над силами агрессии и фашизма. Ныне уже очевидна та истина, что созданная в предвоенные годы оборонная промышленность обеспечивала Вооруженные Силы страны современной военной техникой, причем на протяжении всей войны и во все возрастающих размерах⁹. Это обстоятельство, одно из слагаемых победы Советского Союза над фашистской Германией, не случайно. Источники нашей победы заложены прежде всего в преимуществах социалистической системы хозяйства, социалистического общественного и советского государственного строя.

Следует учитывать, что в современных условиях деятельности оборонной промышленности значительно усложнилась ввиду совершающейся научно-технической революции и создания ракетно-ядерного оружия. Оборонная промышленность теперь должна быть готова для обеспечения всех потребностей Вооруженных Сил в условиях применения новейших достижений науки и техники. Нагрузка на военную экономику значительно увеличивается. Правильный выбор наиболее оптимального и перспективного направления в развитии систем вооружения, который бы не только гарантировал на ближайший, но достаточно длительный срок техническое превосходство над противником, а и создавал бы техническую неожиданность для него в условиях войны, несмотря на всю сложность выработки такого решения, приобретает ныне первостепенное значение.

Поскольку темпы развития и совершенствования современного оружия и техники резко возрастают, поскольку усложняется их конструкция и увеличивается стоимость производства, подход к смене одной системы вооружений другой, более эффективной, должен быть глубоко научным, тщательно согласованным с экономическими ресурсами го-

⁹ См. «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». М. 1967, стр. 38.

сударства и его военно-стратегическим положением. Как бы остро ни стоял вопрос об удовлетворении потребностей Вооруженных Сил в оснащении их более современным оружием, перестройка производства на изготовление новых образцов вооружения может быть осуществлена только поэтапно. Опыт прошлого убедительно свидетельствует, что на протяжении какого-то довольно длительного периода старое и новое производство обязательно будет идти параллельно, на основе смешанного принципа. При этом старое производство закономерно будет сужаться, а новое — расширяться. Быстрое моральное устаревание систем оружия в современных условиях неминуемо выдвигает на сцену новейшие образцы различных систем. Процесс состязания количества и качества в вооружении и технике достиг сейчас столь высокого динамизма, что период перехода в производстве от системы к системе практически не имеет резко очерченных границ. В военном производстве, помимо основного, отработанного и проверенного, что-то будет всегда оставаться от старой системы, а что-то представлять новейшую. При оценке системы вооружения речь должна идти о том, в каком процентном соотношении находятся новые средства современной борьбы по сравнению как со старыми, так и с новейшими их образцами. Преимущество закономерно получает та сторона, где качественные и количественные критерии вооружения выше, чем у противника. Успешное осуществление предъявляемых жизнью требований — под силу только современному, сильно развитому производству, опирающемуся на высокий уровень науки и техники. В решении этой важной проблемы заинтересованы и фактически принимают активное участие во всех государствах не только ответственные звенья хозяйства, но и многие элементы самих вооруженных сил, начиная от войск и кончая конструкторскими бюро и заводами-изготовителями.

3. Военный мозг

Целесообразно также рассказать вкратце о деятельности нашего Генерального штаба непосредственно перед войной и в первые ее недели. Первая половина 1941 г. была особенно напряженной для Генерального штаба. Рабочий день в его ведущих управлениях заканчивался обычно далеко за полночь и практически продолжался 15—16 часов. С таким же напряжением работали и в штабах приграничных военных округов. В связи с явно приближавшейся вражеской агрессией советское командование по решению партии и правительства проводило крупнейшие мероприятия, направленные на укрепление обороноспособности страны и повышение боевой готовности Вооруженных Сил СССР. В тот период завершались реорганизация центрального аппарата и местных органов военного управления и перестройка управления войсками, начавшиеся еще во второй половине 1939 года. В частности, были переведены на новые штаты с увеличением личного состава Главное управление пропаганды и Главное управление ВВС. Управление ПВО страны преобразовали в Главное управление. В июне 1941 г. началось формирование Управления воздушнодесантных войск.

Решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР 8 марта 1941 г. было уточнено распределение обязанностей: руководство Красной Армией осуществлялось теперь народным комиссаром обороны через своих заместителей, Генеральный штаб и систему Главных и Центральных управлений. К началу Великой Отечественной войны наряду с Генеральным штабом в центральном аппарате НКО имелось 7 главных управлений (политической пропаганды, военно-воздушных сил, артиллерийское, автобронетанковых войск, противовоздушной обороны, военно-инженерное и интендантское), 13 управлений (боевой подготовки, воздуш-

нодесантных войск, военно-химической защиты, оборонительного строительства, снабжения горючим, военно-учебных заведений, кадров, санитарное, ветеринарное, военного издательства, военно-конных заводов, финансовое и делами НКО), различные инспекции, отдел материальных фондов и Бюро изобретений. Главное автобронетанковое, финансовое управления, Управление кадров и Бюро изобретений подчинялись непосредственно народному комиссару обороны СССР.

Важнейшим органом НКО являлся Генеральный штаб, начальник которого был наделен правом вхождения в правительство для решения вопросов Наркомата обороны. В результате реорганизации, закончившейся к началу 1941 г., численность Генерального штаба увеличилась в 2 раза по количеству военнослужащих и в 3 раза — по вольнонаемному составу. Что касается структуры Генштаба, то она подверглась организационным изменениям в конце июля 1941 г., то есть в ходе уже начавшейся Великой Отечественной войны. Как основной рабочий орган Верховного Главнокомандования, Генштаб был перестроен с таким расчетом, чтобы обеспечить квалифицированное руководство действующими Вооруженными Силами на высоком уровне и в полном соответствии с требованиями и условиями начавшейся войны. Задачи же, не связанные с оперативным руководством действующими Вооруженными Силами, практически решались другими органами. Так, укомплектованием (частично), формированием и подготовкой пополнений для Действующей армии занималось вновь созданное Главное управление формирования и укомплектования войск (Главупраформ), а также управления командующих видами вооруженных сил и родами войск. В связи с этим из Генштаба были изъяты три соответствующих управления (организационное, мобилизационное, укомплектования войск) и включены в Главупраформ. Реорганизации подверглось в Генштабе Управление устройства тыла и снабжения в связи с перестройкой всего тыла Вооруженных Сил СССР.

Оперативность и эффективность работы Генерального штаба определялись не только его стройной и действенной структурой или каким-то лицом, стоявшим во главе этого высокого учреждения, что, безусловно, тоже имеет большое значение, но во многом и тем, что начальник Генштаба являлся членом Ставки Верховного Главнокомандования. Советский Генеральный штаб являлся центральным органом управления НКО по подготовке и использованию Вооруженных Сил для обороны страны. Начальник Генштаба, в соответствии с указаниями и решениями НКО, объединяет деятельность всех управлений НКО, дает им задания и указания. Ведению Генерального штаба подлежат: разработка директив и приказов Ставки Верховного Главнокомандования по оперативному использованию Вооруженных Сил и планов войны на новых театрах военных действий; организация и руководство разведывательной деятельностью всех видов разведки, обработка разведывательных данных и информация начальников; разработка вопросов ПВО; разработка и руководство строительством укрепленных районов; руководство военно-топографической службой; руководство оперативной подготовкой всех родов войск, штабов и офицеров; организация устройства оперативного тыла Действующей армии; разработка положений о вождении армейскими соединениями, наставлений и руководств по штабной службе, создание описаний театров военных действий; сбор и обработка директив и указаний по использованию опыта войны и внедрению его в войсках; организация скрытого управления войсками.

Специального штаба в центре, который осуществлял бы руководство сухопутными силами, не было ни в предвоенные годы, ни во время войны. Эта задача возлагалась непосредственно на Наркомат обороны и Генеральный штаб, которые руководили всей деятельностью

войск через командующих военными округами и фронтами. В целях удобства управления войсками, их лучшего снабжения, а также исходя из оперативно-стратегических и мобилизационных соображений, вся территория СССР была разделена на 16 военных округов и Дальневосточный фронт. 8 округов являлись приграничными.

На руководящие должности постоянно выдвигались способные командиры и политработники. К началу войны звено командующих войсками округов и армий было на 100% укомплектовано генералами — участниками гражданской войны со стажем службы не менее 20 с лишним лет. 89% командующих войсками и 53% членов Военных советов округов, 71% командующих армиями, 65% членов Военных советов армий, 88% начальников штабов округов и 100% начальников штабов армий имели высшее военное образование. Все они являлись членами ВКП(б). 77% из них были выходцами из среды рабочих и крестьян. По возрасту 84% командующих войсками округов и армий были моложе 50 лет, 54% командармов — моложе 45 лет, и лишь возраст одного командарма (генерал-лейтенанта Ф. Д. Гореленко) превышал 50 лет.

Наряду с выдвижением на руководящие должности опытных генералов с большим стажем службы в армии в качестве командующих войсками округов, членов Военных советов, командующих армиями и флотами смело назначались молодые кадры. Так, в 1940 г. командующим Северным флотом был назначен контр-адмирал А. Г. Головкин в возрасте 34 лет, командующим войсками Ленинградского военного округа в январе 1941 г. выдвинут 38-летний генерал-лейтенант М. М. Попов, командующим войсками Среднеазиатского военного округа в возрасте 40 лет — генерал-майор С. Г. Трофименко, членом Военного совета Дальневосточного фронта в 1939 г. — корпусной комиссар А. С. Желтов в возрасте 35 лет, в 1940 г. членом Военного совета Московского военного округа в возрасте 36 лет — корпусной комиссар В. Н. Богаткин, членом Военного совета Среднеазиатского военного округа — дивизионный комиссар Е. П. Рыков в возрасте 34 лет. В 40 лет командовали округами генерал-лейтенанты П. А. Курочкин, В. Ф. Герасименко и Я. Т. Черевиченко. В 39-летнем возрасте командовали армиями генерал-лейтенант И. Н. Музыченко и генерал-майор М. И. Потапов. В 38 лет были назначены на должность начальника штаба: Орловского военного округа — генерал-майор А. Д. Корнеев, Сибирского военного округа — генерал-майор П. Е. Глинский; в 37 лет начальником штаба Среднеазиатского военного округа — комдив М. И. Казаков.

В 1941 г., от зимы к весне и от весны к лету, угроза военного нападения фашистской Германии на СССР возрастала с каждым месяцем. Учитывая складывавшуюся обстановку, Коммунистическая партия и Советское правительство принимали все меры к тому, чтобы укрепить обороноспособность страны и подготовить народ к отражению агрессии. Партия и правительство осуществили ряд важных мероприятий, направленных на перестройку промышленности и транспорта, а также на укрепление Советских Вооруженных Сил и повышение их боеспособности. На это нацеливали советский народ, в частности, решения XVIII партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 года. Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б) и Совнаркома, военное командование и Генеральный штаб проводили реорганизацию бронетанковых войск, боевых частей и тыла ВВС, а также формирование новых стрелковых, механизированных, воздушнодесантных, артиллерийских и авиационных соединений и частей.

В феврале правительством был утвержден план мобилизации Вооруженных Сил. Директивами НКО Военным советам округов приказывалось сформировать в период с марта по июнь 1941 г. 16 управлений стрелковых корпусов, 21 механизированный и 5 воздушноде-

сантных корпусов, несколько стрелковых дивизий и 10 противотанковых артиллерийских бригад. С формированием стрелковых соединений практически не возникало трудностей. Что касается механизированных, воздушнодесантных и артиллерийских соединений, то формирование осложнялось нехваткой боевой техники и соответствующего вооружения.

Так, начавшаяся в марте коренная реорганизация бронетанковых и механизированных войск и формирование дополнительно двадцати одного механизированного корпуса требовали довольно много новых танков Т-34 и «КВ», соответствующее количество ремонтных средств, технических и командных кадров. Промышленность же могла удовлетворить в течение 1941 г. только около одной трети требуемого.

Шла реорганизация боевых частей и тыла ВВС. Развертывалась подготовка соответствующих кадров. Однако из 106 авиаполков к началу войны, вследствие недостатка новых боевых самолетов, было перевооружено только 19. Война застала в стадии реорганизации и тыл ВВС. Не удалось полностью обеспечить боевой техникой к началу войны сформированные и укомплектованные личным составом соединения 5 воздушнодесантных корпусов, кроме ранее имевшихся воздушнодесантных бригад. В связи с недостаточным обеспечением механизированной тягой артиллерийских частей изыскивалась возможность по мобилизации этих средств из народного хозяйства с таким расчетом, чтобы не повлиять на выполнение планов сельскохозяйственного производства. К началу войны не успели мы полностью укомплектовать материальной частью и средствами тяги также противотанковые артиллерийские бригады РКК. Несмотря на незавершенность к началу войны этих мероприятий, Генштабу на 1941 г. удалось все же сделать многое для укрепления боевой готовности Советских Вооруженных Сил и для отпора фашистской агрессии.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Советское правительство, последовательно проводившие политику мира, стремились во что бы то ни стало предотвратить или по крайней мере как можно дальше оттянуть столкновение с фашистской Германией, чтобы тем временем получить укрепить экономическую и военную мощь нашего государства. Исходя из этого, принимались меры к тому, чтобы не дать Гитлеру никакого повода для оправдания возможной антисоветской агрессии. Вот почему, когда иностранная пресса подняла шумиху о «концентрации крупных сил» советских войск на западной границе, перебрасываемых с Дальнего Востока и из Средней Азии, Советское правительство уполномочило ТАСС выступить 9 мая 1941 г. с опровержением сообщений буржуазной прессы и разъяснить, что передислокация войск, носившая частный характер, является обычным мероприятием в мирное время. Одновременно сообщением ТАСС преследовалась цель дать понять, что эти слухи распространяются кругами, явно заинтересованными в обострении отношений между Германией и Советским Союзом. Не последнюю роль в этих инсинуациях извне сыграла немецкая агентура, проводившая, как нам стало известно впоследствии, широкие дезинформационные мероприятия, направленные на скрывание приготовлений фашистской Германии к нападению на Советский Союз, а также на оправдание ее агрессивных устремлений. На это же была нацелена и немецкая пресса, систематически распространявшая слухи о «военных приготовлениях Советского Союза на германской границе».

К тому времени стало уже совершенно ясно, что фашистская Германия не собирается нормализовать отношения с СССР и всячески уклоняется от переговоров по поводу создавшейся ситуации. Предпринимаемые Советским правительством дипломатические шаги не давали положительных результатов. Вблизи советских границ в возрастающих масштабах продолжали сосредоточиваться немецкие войска. Из различ-

ных источников, по каналам разведки и иным, все чаще поступали сведения с указанием конкретных дат нападения фашистской Германии на СССР и о том, что немецкая армия практически завершила подготовку к вторжению; что в любой момент следует ожидать ее нападения.

В данных условиях Генеральный штаб по указанию правительства в порядке ответной меры, обусловленной суровой необходимостью, в начале мая 1941 г. дал указания приграничным военным округам передислоцировать ряд дивизий и корпусов поближе к государственной границе, а директивой от 13 мая 1941 г.— выдвинуть на запад войска из внутренних военных округов. В мае—июне шла переброска 19-й армии из Северо-Кавказского военного округа, 20-й армии из Орловского военного округа, 21-й армии из Приволжского военного округа, 22-й армии из Уральского военного округа и 16-й армии из Забайкальского военного округа. 19-я армия прибывала на Украину в район Черкассы, Белая Церковь; 20-я армия — на территорию Белоруссии (штаб армии с 25 июня — Смоленск); 21-я армия — на стык территории Украины и Белоруссии; 22-я армия — в район Себеж, Великие Луки (штаб армии с 24 июня — Великие Луки); 16-я армия — на Правобережную Украину, в район Проскуров, Хмельник.

В целях скрытного выдвижения войск на запад перевозки осуществлялись без резкого расширения обычного графика работы железных дорог. Помню, как в начале июня начальник ВОСО Одесского военного округа (ОдВО) полковник П. И. Румянцев зашел ко мне, в то время начальнику штаба ОдВО, в кабинет и тайцественно доложил, что за последние дни через станцию Знаменка «идут Аннушки» с Ростовского направления и выгружаются в районе Черкасс. «Аннушка» — это термин, определявший в органах ВОСО дивизию. Через два дня мною была получена шифровка из Черкасс за подписью заместителя командующего войсками Северо-Кавказского военного округа М. А. Рейтера, в которой испрашивалось разрешение занять несколько барачных складов нашего округа для размещения имущества прибывающих в этот район войск с Северного Кавказа. Поскольку штаб ОдВО не был информирован о сосредоточении здесь войск, я позвонил по «ВЧ» в Оперативное управление Генштаба. К телефону подошел заместитель начальника управления А. Ф. Анисов. Сообщив ему о шифровке, полученной от М. А. Рейтера, я попросил разъяснить, в чем дело. Анисов ответил, что шифровку Рейтера надо немедленно уничтожить, что ему будут даны необходимые указания от Генштаба, а штабу округа в это дело не следует вмешиваться.

4. Севернее Одессы

Итак, явно надвигалась война. С учетом складывавшейся ситуации Военный совет ОдВО представил 20 июня 1941 г. Генеральному штабу докладную записку о плане прикрытия государственной границы. В этой записке, как и в ранее состоявшемся в феврале разговоре с начальником Генштаба Г. К. Жуковым, излагалась та идея, чтобы на время войны в полосе Одесского округа развернуть две армии, а управление округа уже в мирное время иметь не в качестве армейского управления, а как фронтовое. Эти предложения были, вероятно, приняты во внимание и воплотились в решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 г. о создании Южного фронта. Но формирование полевого управления фронта возлагалось не на Одесский округ, а на штаб Московского военного округа (МВО). Такое решение не отвечало обстановке и было явно неудачным. Личный состав штаба МВО еще не знал данного театра военных действий и его особенностей, состояния войск,

их возможностей и задач. Для изучения всего этого требовалось сравнительно продолжительное время, чем МВО не располагал. Более того, управлению МВО надо было в условиях боевой обстановки перебазироваться на новое место, заново организовывать и налаживать управление войсками, принимать прибывавшие из внутренних округов соединения и части, обеспечивать их материально-техническими средствами и решать ряд других важных и неотложных задач в связи с начавшейся в следующие сутки войной.

Поэтому успешно решать все перечисленные задачи вновь организованное Управление Южного фронта не смогло, что отрицательно сказалось на действиях войск фронта в первые же дни войны. Очевидно, наиболее целесообразным было бы сформировать предусмотренное мобилизационным планом округа Управление Южного фронта на базе аппарата ОдВО, усилив его основные звенья наиболее подготовленными офицерами МВО.

Что же это за «новая обстановка», о которой все время идет здесь речь? С апреля 1941 г. в приграничных районах появились вполне определенные признаки осложнения ситуации. Из сводок Разведывательного управления Генерального штаба командования округа было известно о непрерывном увеличении количества немецких войск в Польше за счет переброски их из Франции и о появлении соединений немецких войск на территории Румынии. Поступали данные от пограничных частей, что на р. Прут появились группы офицеров в форме румынской и немецкой армий. По всем признакам, они проводили рекогносцировку участков вдоль этой реки. Наша разведка сообщала, что военные в форме немецкой армии встречаются и в Бухаресте.

Участились нарушения нашей государственной границы румынскими самолетами с разведывательными целями. К сожалению, попытки с нашей стороны сбить самолеты-нарушители не увенчались успехом. Это объяснялось отчасти тем, что нашим самолетам запрещалось перелетать государственную границу. Самолеты-нарушители, убедившись, что советские истребители не преследуют их далее границы, при первой же угрозе перехвата немедленно уходили в пределы Румынии. Исползовать против самолетов-нарушителей зенитно-артиллерийские средства мы тоже не могли, так как их не хватало для прикрытия всех районов вдоль государственной границы, а противник, зная районы расположения зенитной артиллерии, обходил их. Кроме того, надо было учитывать, что в то время у нас не было радиолокационных установок, а система воздушного наблюдения с земли постами ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь) не могла в полной мере обеспечить своевременное оповещение истребительной авиации. Самолет-нарушитель обнаруживался, как правило, только при его подходе к государственной границе. Поэтому наша авиация поднималась в воздух с запозданием и, следовательно, лишалась возможности своевременного перехвата самолетов противника.

Нарастание напряженности в полосе ОдВО вызвало необходимость принятия командованием и штабом округа мер по повышению бдительности, усилению охраны границы, усилению разведки. Организовывались проверки боевой готовности войск. В авиационных частях и соединениях округа проводились боевые тревоги, в ходе которых летный состав тренировался в перебазировании самолетов с постоянных аэродромов на оперативные. Личный состав авиационных частей и соединений в этих случаях поднимался по тревоге с наступлением темноты. В течение ночи проверялась готовность материальной части. Взлет самолетов намечался с таким расчетом, чтобы летчики могли успеть совершить перелет в темное время и с наступлением рассвета сесть на оперативные аэродромы, где создавались запасы горючего и боеприпасов.

В апреле (или в мае), рассматривая план мобилизационных перевозок округа, я обратил внимание на то, что в плане нет расчетов на вывоз семей начсостава из приграничной зоны. На мой вопрос, чем это вызвано, начальник ВОСО округа П. И. Румянцев сослался на то, что в изданном в 1941 г. Наставлении по мобилизационной работе раздел по эвакуации семей из приграничной зоны отсутствовал (в ранее имевшемся наставлении такой раздел был). Этот раздел в плане был срочно ликвидирован. Начальникам приграничных гарнизонов немедленно были даны указания о порядке вывоза семей в случае объявления мобилизации или начала боевых действий. В них содержались сведения: к каким железнодорожным станциям приписывался гарнизон, о порядке прибытия семей из гарнизонов на железнодорожные станции, какие гарнизоны куда эвакуировать. Главные пункты эвакуации намечались в районе Кировограда, Днепропетровска, Запорожья.

Это мероприятие, как показали события, позднее себя оправдало. Большинство семей военнослужащих приграничных гарнизонов было после начала военных действий эвакуировано.

6 июня 1941 г. из Румынии были получены данные о ставших ей известными телефонных переговорах между примарами (мэрами) городов Хуши и Яссы. Примар из Хуш спрашивал примара из Ясс, закончил ли он эвакуацию ценностей, так как 9—12 июня «нужно ожидать событий». О каких событиях шла речь, установлено не было. В это время командующий войсками округа генерал-полковник Я. Т. Черевиченко находился в Крыму, где принимал прибывавшие туда Управление 9-го отдельного стрелкового корпуса, одну стрелковую и одну кавалерийскую дивизии. Получив указанное донесение, штаб округа немедленно информировал об этом штаб Киевского военного округа и Генеральный штаб. Кроме того, в этот же день около 14 часов по «ВЧ» о полученном донесении было доложено начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову. Одновременно была высказана просьба разрешить переброску 48-го стрелкового корпуса, находившегося в Кировограде, и его 74-й стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в районе Первомайска, в район Бельцы для усиления этого направления. Дело в том, что на участке Липканы, Фалешты находилась одна лишь 176-я стрелковая дивизия, сил которой было явно недостаточно для прикрытия фронта протяженностью в 120 километров. Кроме того, в районе Рыбницы находилась 30-я стрелковая дивизия. Она переформировывалась в горнострелковую дивизию, и ее также целесообразно было выдвинуть на это направление. Проведя выдвижение указанных соединений, на Бельцевском направлении можно было бы создать группировку в составе трех, 176-й, 74-й и 30-й, стрелковых дивизий, объединенных Управлением 48-го стрелкового корпуса.

Г. К. Жуков прервал мой доклад словами: «Что вы паникуете!» На это я ответил, что ожидаю все же положительного ответа. После небольшой паузы начальник Генерального штаба сказал, что он доложит народному комиссару обороны и позвонит мне не ранее 16 часов. Действительно, около 16 часов Г. К. Жуков передал по «ВЧ», что народный комиссар обороны согласен с предложением, но обращает внимание на то, чтобы передвижение войск производилось скрытно и в ночное время. Указания были приняты к исполнению. Через час в Кировоград был послан самолет за командиром корпуса генерал-майором Р. Я. Малиновским, который проводил в этом районе учение. К концу дня командир корпуса прибыл в Одессу. К его прибытию штаб подготовил карту маршрутов и районов учений, в том числе для учения по форсированию реки Днестр. Изучив план подъема частей по тревоге, план марш-учения и порядок установления связи, командир корпуса на рассвете 7 июня опять на самолете вылетел в Кировоград.

В ночь на 8 июня штаб, корпусные части и 74-я стрелковая дивизия по боевой тревоге выступили в район Бельцы. 147-я стрелковая дивизия оставалась на месте, так как предназначалась для передачи в состав 7-го стрелкового корпуса. Марш войска совершали ночью. В ходе его проводились учения по отражению танкового удара. Для этого была привлечена 16-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся в районе Котовска. Проводилось также учение по форсированию Днестра. При этом за «противника» действовала 30-я горнострелковая дивизия. К 15 июня Управление 48-го стрелкового корпуса, 74-я и 30-я стрелковые дивизии под видом учений сосредоточились в лесах, в нескольких километрах восточнее г. Бельцы. В тот же день штабом округа были отданы распоряжения, чтобы вторая очередь артиллерийских полков не отправлялась на Ново-Московский окружной артиллерийский полигон в районе Днепропетровска (они должны были следовать туда для проведения боевых стрельб). Одновременно давались указания о задержке отправки зенитной артиллерии на зенитный полигон в район Бугаза.

Дополнительные данные разведки из Румынии были мало конкретны, но и они давали возможность сделать вывод, что идут какие-то приготовления к войне. К концу июня в округе должна была начаться армейская полевая поездка со средствами связи. К этой поездке привлекались все корпуса, авиация и армейский аппарат, выделяемый по мобилизации из окружного Управления. 18 июня утром командующему войсками округа, возвратившемуся из Крыма в Одессу, были доложены соображения о том, что полевую поездку со средствами связи проводить нецелесообразно, так как обстановка требует постоянной боевой готовности войск. Полевая же поездка вызовет необходимость сосредоточить штабы корпусов и авиационных дивизий с их средствами связи в районе Тирасполь, Кишинев. В случае военных действий это оставит войска всего округа без управления. В данной обстановке целесообразнее провести рекогносцировку с решением задач-летучек на местности без средств связи, чтобы командиры частей и соединений смогли при необходимости быстро возвратиться к своим войскам. Что касается армейского управления, выделяемого из окружного, то его нужно поднять по боевой тревоге согласно мобилизационному плану и отправить в Тирасполь, где предусматривалось разместить штаб армии как по игре, так и по плану прикрытия (тем более, что в Тирасполе на военное время заранее был подготовлен узел связи).

С этим предложением командующий войсками ОдВО вначале не согласился, ссылаясь на то, что Генеральный штаб обвинит нас в срыве запланированной армейской полевой поездки. Однако в результате моих настойчивых предложений Я. Т. Черевиченко позвонил в Москву и попросил разрешения на проведение учений. Народный комиссар обороны ответил, что надо согласиться с предложением начальника штаба округа. После этого разговора было решено в порядке проверки мобилизационного плана поднять по боевой тревоге выделяемое армейское управление, на автомашинах направить его в Тирасполь и там в зависимости от обстановки в ближайшие дни провести с командирами корпусов рекогносцировки и проигрыш летучек на местности.

Собранный по боевой тревоге к 5 часам утра 20 июня личный состав, выделенный на формирование Управления 9-й армии, был отправлен на автомашинах в Тирасполь. Мне выехать из Одессы в этот день не удалось. С разрешения командующего войсками округа я выехал 21 июня поездом и вечером того же дня прибыл в Тирасполь, в штаб, занимавший здание педагогического института.

Около 22 часов 21 июня по аппарату БОДО меня вызвал на переговоры из Одессы командующий войсками округа. Он спрашивал,

смогу ли я расшифровать телеграмму, если получу ее из Москвы. Командующему был дан ответ, что я любую шифровку из Москвы расшифровать смогу. Последовал опять вопрос: «Вторично спрашивают, подтвердите свой ответ, можете ли расшифровать шифровку из Москвы?» Меня крайне удивило повторение запроса. Я ответил: «Вторично докладываю, что любую шифровку из Москвы могу расшифровать». Последовало указание: «Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас шифровку немедленно расшифровать и отдать соответствующие распоряжения. Я и член Военного совета будем в Тирасполе поездом 9.00 22 июня. Черевиченко».

После получения такого распоряжения мною было немедленно дано указание начальнику шифровального отдела выделить опытного шифровальщика, способного быстро и точно расшифровать телеграмму, как только последует вызов из Москвы к аппарату БОДО и начнется передача. Спустившись в помещение узла связи, я вызвал к аппарату БОДО оперативного дежурного по Генеральному штабу и спросил его, когда можно ожидать передачу шифровки особой важности. Дежурный ответил, что пока не знает. Оценив создавшееся положение, около 23 часов 21 июня я решил вызвать к аппаратам командиров 14-го, 35-го и 48-го стрелковых корпусов и начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, командир которого генерал П. А. Белов был в то время в очередном отпуске и отдыхал в окружном санатории в Одессе. Первым к аппарату «СТ-35» подошел командир 14-го стрелкового корпуса генерал-майор Д. Г. Егоров, вторым — командир 35-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев, а затем начальник штаба 2-го кавалерийского корпуса полковник М. Д. Грецов. Командиру 48-го стрелкового корпуса Р. Я. Малиновскому распоряжение передавалось по аппарату «Морзе». Всем им были даны следующие указания: 1. Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов. 2. Частям прикрытия занять свои районы. 3. Установить связь с пограничными частями.

Возвратившись в штаб, где к этому времени были собраны начальники отделов и родов войск, а также командующий ВВС округа, я информировал их о том, что ожидается телеграмма особой важности из Москвы и что мною отданы соответствующие приказания командирам корпусов. Тут же присутствовал командир 2-го механизированного корпуса генерал-майор Ю. В. Новосельский, штаб которого размещался в Тирасполе. Последнему также было дано указание о приведении дивизий корпуса в боевую готовность и выводе их в намеченные районы ожидания. Таким образом, непосредственно в приграничной полосе ОдВО по боевой тревоге были подняты семь стрелковых, две кавалерийские, две танковые и моторизованная дивизии и два укрепленных района. Во втором эшелоне округа оставались 150-я стрелковая дивизия и дивизии 7-го стрелкового корпуса. На третий день войны 7-й стрелковый корпус был передан в состав Юго-Западного фронта.

Командующему ВВС округа было предложено к рассвету рассредоточить авиацию по оперативным аэродромам. Последний высказал возражения, мотивируя их тем, что при посадке на оперативные аэродромы будет повреждено много самолетов. Только после отдачи ему письменного приказания командующий ВВС приступил к его исполнению. Примерно во втором часу ночи 22 июня дежурный по узлу связи штаба доложил, что меня вызывает оперативный дежурный Генерального штаба к аппарату БОДО. Произошел следующий разговор: «У аппарата ответственный дежурный Генштаба, примите телеграмму особой важности и немедленно доложите ее Военному совету». Я ответил: «У аппарата генерал Захаров. Предупреждение понял. Про-

шу передавать». В телеграмме за подписью наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова Военным советам приграничных военных округов и наркому ВМФ сообщалось, что в течение 22—23.6.41 г. возможно нападение немцев в полосах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов.

В телеграмме подчеркивалось, что нападение немцев может начаться с провокационных действий. Поэтому войскам ставилась задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно предписывалось быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. С этой целью приказывалось: все войска привести в боевую готовность; в ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом 22 июня рассредоточить по полевым аэродромам и тщательно замаскировать всю авиацию; подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Округа предупреждались, чтобы никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить, и т. д.

В настоящее время точно известно, что эти указания Военным советам приграничных округов были переданы по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина. И сделал он это не без основания. Учитывая незавершенность мероприятий по срочному усилению Вооруженных Сил, он принимал все меры к тому, чтобы избежать преждевременного столкновения с немецко-фашистской армией, приведенной в полную боевую готовность и развернувшейся у границы Советского Союза. Получив директиву народного комиссара обороны, я был очень взволнован, так как отданное приказание о выводе войск округа в районы прикрытия на государственную границу находилось в противоречии с полученными из Москвы указаниями. Мною было принято решение — передать от имени командующего войсками округа содержание приказа народного комиссара обороны командирам корпусов для неуклонного исполнения и руководства, что и было немедленно сделано. Однако прежние распоряжения не только о приведении войск округа в боевую готовность, но и о выводе их в районы ожиданий тоже не отменялось. Более того, объявлялась боевая тревога во всех гарнизонах округа.

Беспокойство о том, как бы выходящие в районы прикрытия войска не поддались на возможную провокацию, не покидало меня. В 3 часа 45 минут 22 июня в комнату, где мы находились, вбежал дежурный по телеграфу и передал принятое из Одессы от заместителя начальника штаба округа по организационно-мобилизационной работе полковника А. М. Кашкина сообщение, в котором говорилось, что, по данным командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала Жукова, неизвестная авиация в 3 часа 15 минут бомбила Очаков и Севастополь. Стало ясно, что это война, начавшаяся с нападения воздушных сил противника!

Не успели мы обсудить обстановку с начальниками отделов штаба и начальниками родов войск, как в 4 часа дежурный по узлу связи доложил, что к аппарату «СТ-35» меня вызывает командир 14-го стрелкового корпуса генерал-майор Д. Г. Егоров. Передаю примерное содержание разговора: «У аппарата Егоров. Товарищ Захаров! В 3 часа 30 минут в районе Рени противник открыл артиллерийско-минометный и ружейный огонь и пытается форсировать реку. Части 25-й стрелковой дивизии заняли район прикрытия и ведут огонь. Нас...» (перерыв связи). Минут через 5—10, когда аппарат начал работать, Егоров добавил, что авиация врага бомбит Болград и он, генерал Егоров, уезжает из города в штаб корпуса. В это же время командир 35-го стрелкового

корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев доложил, что в районе Унгены и Скуляны противник ведет сильный артиллерийско-минометный огонь и пытается форсировать реку Прут. Части прикрытия заняли свои районы. Идет бой. Авиация врага бомбила Кишинев и кишиневский аэродром.

Вскоре последовал доклад начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса полковника М. Д. Грецова о том, что в районе Леово противник ведет сильный огонь, пытаясь форсировать Прут, но части прикрытия, занявшие свои районы, отражают атаки врага. От 48-го стрелкового корпуса поступило сообщение, что авиация противника бомбила Бельцы. Наконец, около 5 часов утра авиация противника бомбила тираспольский аэродром. От бомбовых ударов взорвался склад боеприпасов. В здании штаба, где мы размещались, были выбиты стекла. Пришлось принимать меры к укрытию личного состава штаба.

На рассвете командующий ВВС округа генерал-майор авиации Ф. Г. Мичугин доложил, что основная часть подчиненной ему авиации перебазирована на оперативные аэродромы и выведена из-под ударов авиации противника, которые наносились по стационарным аэродромам в период с 3 часов 30 минут до 4 часов 30 минут 22 июня. На кишиневском аэродроме попали под удар семь самолетов СБ, три Р-зет и два У-2, поскольку командир авиационной бригады А. С. Осипенко не полностью выполнил указание о перебазировании самолетов на оперативный аэродром. Так начались боевые действия на границе с Румынией в незабываемом 1941 году.